

Ф е д о р Ч И Р С К О В

А Н Д Р О М Е Р

Да, и такой, моя Россия ...

А.Блок

Никогда Иванеев не изучал своей родины, не ставил себе таких целей, не шел тропами пытливых, отважных, находчивых и неустрашимых, а просто заглянул в залитое светом окно и испугался. Еще издали свет из-под потолка говорил ему о необходимости коврика на стене, кипящего чайника, женщины, пусть одетой совсем просто, по-домашнему, мужчины с газетой и ребенка с кубиком, а смотрел этот свет, прямо, как чужая совесть, на страшную картину запустения и развала. Черные тряпки, грубые, засохшие и громоздкие, заполняли все углы комнаты, стены которой были когда-то оклеены розовыми или желтыми обоями. Чьи-то невозможные разбухшие ботинки заменяли в комнате человека и бутылка с разлитой густой коричневой патокой все-таки не делала комнату осмысленной.

Иванеев сразу и охотно вернулся в сырую гладкую черноту ночи над бурьяном, выросшим из-под фундамента и ставшим синим в свете окна. Земля не колебалась под ногами, хотя и была не видна и при ходьбе оказалась твердой. Иванеев поднялася на высокую невидимую ступеньку и дотронулся до двери. Она была сырой, неоструганной и скрипучей, но не открылась.

Иванеев стучал, пока не устал, но в доме не было отзвука. Потом он увидел легкое колебание занавески в окне рядом с крыльцом. Занавеска соскользнула с банки, закрытой куском газеты, и в углу окна показалось узенькое детское лицо. Ребенок посмотрел а темноту окна, то ли с любопытством, то ли со стра-

хом и замер неподвижно. Белая кошка спрыгнула откуда-то сверху и, мягким прыжком коснувшись земли, умчалась прочь. Иванеев хотел попросить мальчика открыть дверь, но понял, что взрослых нет дома и постарался, не натыкаясь на дрова, выбраться на гладкую выпуклость дороги, освещенную из-под плоски уличного фонаря.

Там к нему вернулась готовность продолжать поиски и надежда найти круглую фанерку с номером дома. Он добрался до следующего дома, который стоял боком и был оббит с видимой стороны бугристым толем, прижатым деревянными планками. Двери у этого дома были иными — свежесть неопределенной краски на их ручке, так же, как и заставленность тамбура бидонами из-под молока, детские штанишки и женская рубашка в мелких цветочках наобечевке, свидетельствовали о многолетнем быте. И хотя не горела лампочка между четырьмя узкими одинаковыми дверьми, и сор, прикрытый веником, тотчас попался под ноги, и в коридоре пахло прокипяченным бельем и супом, Иванееву стало почти легко.

Он дерзко открыл ближнюю дверь и оказался среди семьи, в своем вечернем отдыхе не думавшей о том, как она выглядит со стороны.

Мужчина в голубой майке, пристроившись у трюмо, накрытого газетой, ел суп из миски. Старуха, заложив ногу за ногу, читала газету. Растрепанная женщина с мешками под глазами гладила простыню и обернулась первой. Трое детей, сомкнув свои круглые стриженные головы под нестерпимым сиянием стосвечевой лампы, на краю которой хорошо была видна растопыренная муха, вырезали картинки из букваря.

Все-таки все это было бы другим, если бы накрыть лампу абажуром, но голубым, а не оранжевым, и не круглым, но и круг-

лым было бы лучше.

Женщина подняла тяжелый утюг и стала держать его на весу. Она непривыкла к вечерним появлениям людей в городской одежде в ее жилище, и хотя понимала, что ни пугаться, ни радоваться нечему, все же ощутила беспокойное желание поскорей убрать неловкость с лица вошедшего человека.

- Вам, наверное, Михеева? Так нет его, Михеева. Вторая дверь напротив. Ушел он и дверь затворил.

Женщина подумала о том, куда ушел Михеев, и эта мысль вызвала у нее кривую и одновременно нежную улыбку. Так женщины улыбаются, когда в дело замешана любовь. Потом в голову к ней пришла новая мысль, и она предложила бессловесному гостю подождать и приготовилась даже дотронуться рукой до одной из светлых стриженных голов, чтобы освободить стул для вошедшего.

Но Иванееву не нужен был Михеев. Более того, ему несказанно трудно было определить, кто ему нужен и он сказал, что ищет дом номер пятнадцать.

- Пятнадцатый? Вроде это наш, а может, и не наш, кто его знает. У нас, знаете, больше по имени да по фамилии дома известны, а номеров давно уже нет. Да, может, и не было их.

Мужчина в майке пристроил миску с ложкой, выпадавшей из нее, на угол накрытого газетой трюмо и встал, словно бы собираясь в дальнюю дорогу. В голове у него созрел план, и он давал плану созреть, не говоря ни слова.

- Не Михеев ему нужен, вот что я тебе скажу. Ему нужен редактор стенгазеты, вот кто ему на самом деле нужен. А его найти не просто приедем. Выходите вы и поворачивайте к свиноферме. Знаете свиноферму?

Но в это мгновение надежда оставила Иванеева снова. Пообещав найти свиноферму, он вернулся под невидимое небо, во влажную

черноту, и на этот раз она показалась ему более гостеприимной. Было довольно тепло в воздухе. Лишь смутно веря в существование места для него в четырех стенах и под потолком, он раскуривал сигарету, готовя себя к ночевке под каменным навесом автобусной остановки. Еще сойдя с автобуса, он решил оставить эту скамью для себя в резерве, и тогда, помнится, она показалась ему довольно широкой.

На перекрестке было особенно пусто из-за трех ярких фонарей, и под одним из них посеребренная глиняная колхозница в платке каменной рукой раздвигала глиняные колосья. Наверное, днем она покажется ему уместной и единой с невидимой пока окрестностью. Фигура отбрасывала тяжелую и неуклюжую тень в дебри цветника, время цветения которого уже кончилось.

Иванеев предполагал улечься на деревянных планках скамьи, но в самом темном углу каменного навеса теплился огонек и слышалось женское посмеивание. Он опустил свою сумку, словно она была слишком тяжелой, на скамью в приличном удалении от угла и безмолвно опустился рядом. Мужчина курил свой огонек, а женщина обнимала его из-за спины, были видны ее руки, которыми она словно бы тыталась подбороть мужчину. Он что-то тихо сказал ей, и огонек его разгорелся ярче. Потом они стали молчаливы и неподвижны.

Иванеев не знал, как долго придется ему сидеть в этой напряженной позе и воображал, как соседи его недоумевают, что нужно здесь ему в ночное время. Автобусов уже не будет до утра. Под навесом было совершенно тихо и неподвижно довольно долго, и Иванеев начал забываться, с головокружением ударился подбородком о жесткий воротник и с тоской подумал, как далеко во все стороны нет здесь для него дома.

С громкими мужскими разговорами вошли в тень крыши трое и с удивлением убедились, что они здесь не одни. Иванеев различил полную девушку между мужчин, уловил в темноте ее просторную красивую и вызывающую улыбку.

Они стали устраиваться все вместе на скамье совсем рядом с ним, и девушка с напором оттолкнула от груди руку, оказавшую ей сопротивление, и сдавленно и облегченно засмеялась. Потом начались торопливые поцелуи сразу с двух сторон, сначала стремительные, потом деловитые, потом остывающие.

Девушка вырвалась, встала, аккуратно обеими руками убрала назад волосы и с вызовом на лице уселась отдельно.

Все трое сидели в задумчивости, мужчины опустив головы к замусоренному полу, девушка — прямо, как на спектакле в оперном театре, в третьем ряду, забыв дома бинокль. Теперь все трое ждали, кто выступит первым.

— Коля, иди-ка сюда, — совсем тихо, томительно и нежно сказала девушка и Иванеев вздрогнул, потому что он тоже был Коля,

И Коля, который был выше, лениво и хозяйски уселся рядом, потом сразу обнял девушку и заставил ее откинуться назад, так что голова ударилась о каменную стену. Еще не освободившись, в неудобной позе, она опять облегченно рассмеялась.

Их третий попутчик опять присоединился к ним с левой стороны, и руки мужчин соглись на одной и той же пуговице на груди девушки.

Иванеев унес рюкзак наружу, под охлаждающий свет трех фонарей, пройдуь и вернусь через часок, авось разойдутся, а тут я лишний.

Деревня сопутствовала Иванееву своими темными отяжелевшим

и домами, тонкими заборами, пустыми дворами по обе стороны дороги; потом подуло ветром полевого пространства и шелестом близкого кустарника. Где-то поблизости действительно была свиноферма, о ее близости оповещал ожесточенный многоголосый визг, отдаленного напоминая застольный шум очень пьяной и очень бесцеременной компании.

Иванеев шагал по просыхающей дороге в глушь, в пустоту, пока далеко за полями не установилось бледное возрастающее мерцание. Он решил вернуться и возвращался совсем разбитым, не веря, что этому безлюдью и бездомью суждено когда-нибудь кончиться. Луна показала свой четкий светящийся край над высокой купой деревьев, тесно сплотившихся на горизонте. Это был парк, далекий, густой и заброшенный, как все одичавшие парки бывших имений.

Теперь он хорошо различал все дома вдоль дороги и в глубине дворов, каменную стену автобусного навеса впереди, украшенную языческим и модернистским орнаментом. Двое мужчин раскуривали свои сигаретки у стены, Иванеев подумал, не его ли соседи по скамье.

- Автобусов больше не ожидается. Или вы кого ищите?

- Я знаю. Я приехал на последнем, - сказал Иванеев.

- Значит, приезжий. К кому это так поздно?

- Разыскиваю знакомую. Должна жить в вашей деревне. С ребенком.

- Петрова, наверное. И чего не идете?

- Да я ее, знаете, не нашел здесь,

- А как фамилия, может, подскажем?

Иванеев сказал:

- Фамилию не скажу. Была моя, а теперь сомневаюсь. Не ви-

дел ее три года.

- Одинокая?

Он развел руками.

- Да, предполагаю, что да.

- Так это Петрова. У нее девочка, Вань, или мальчик?

- Может, мальчик, а может и девочка. Вы у ней были?

- Я не знаю, кто это? Где ее дом?

- Вот он. Четвертый с краю. С фонарем у забора. Не были там?

Иванеев присмотрелся к мужчинам.

- Она светлая или темноволосая?

- Вань, какая она, Петрова?

- Кто ее знает, Петрову ...

- Спасибо. Четвертый справа.

Темный дом. Темные окна. Темное крыльцо. Спящая женщина за стеною. Одинокая женщина с ребенком. Не напугаю ли я ее?

Сзади весело кричали:

- А вы стучите, не бойтесь. Не ваша знакомая, так хоть переночевать пустит. Она гостеприимная, Петрова. К Ольге, что ли, пойти?

Иванеев надавил на дверь, и она легко открылась.

Ступив в неглубокую пропасть темной прихожей, он тотчас же наткнулся еще на одну дверь. Она заскрипела, казалось, раньше, чем он к ней прикоснулся. Темная душная комната с фонарем под окном, уверенное дыхание спящей. Нет. Это не она. Это другая. Сейчас напугаю. Надо извиниться.

- Можно к вам?

Уверенное дыхание.

- Есть тут хозяйка?

Спутанные волосы, вздыбленные кверху каким-то вихрем, стали приподниматься над подушкой. Женщина пробормотала: "Кто тут?" так хрипло и резко, что напугала себя этим еще больше.

- Кто тут? Что вы? А?

Иванеев протянул руку вперед.

- Прошу меня извинить. Мне сказали, что здесь живет моя жена. Я ошибся. Извините.

Она подозрительно спросила:

- А вы кто будете?

Приподнимаясь, она по-домашнему убрала свой волосной протуберанец, в узелок на затылке, придирчиво проверила, закрыты ли плечи, слегка потянулась.

- Я буду приезжий.

- Издалека?

- Из города. Ну спите, еще раз извините меня.

Женщина наклонилась к окну. Дождя вроде нет. Потом враждебно посмотрела на Иванеева: жены ему ...

Иванеев присмотрелся к ней.

- Поищу себе скамейку.

Они посмотрели друг на друга, на этот раз она - с некоторым одобрением.

- И ночевать негде? Эх, жены, жены ... Вы вроде спокойный ...

Конечно, ему не хотелось возвращаться под навес.

- Разве что в углу где-нибудь ...

- А я-то и дверь не заперла. Напугалась. Да и вы тоже хороши. Постучались бы хоть прежде.

Не заботясь вернуть себе сколько-нибудь привлекательный облик, она светски засмеялась и села, опустив худые голые ло-

дыжки.

- Мне бы в прихожей, если есть у вас раскладушка.

Знающим взглядом она посмотрела на него: ишь, скромник, а он подумал: как ты непривлекательна, все-таки.

Иванеев улегся на скрипучем полотне раскладной кровати, с теплой еще подушкой под головой, с досчетой брусчаткой перед глазами, со смутным ощущением возвращения домой.

Очень отчетливо он слышал, как она вернулась в комнату, погасила свет и прилепала к постели, села на нее, вздохнула. Потом долго оба тихо слушали. Она улеглась. Иванеев пробормотал про себя и постарался заснуть.

Среди ночи он увидел долгополую белую ее рубашку, проплывающую к входным дверям, потянулся рукой, не достал и заснул.

Х
Х Х

На другое утро он все-таки отыскал дом № 15. Может быть, это был единственный дом в деревне, на котором висела фанерка с номером.

Иванеев ступил в комнату со свежоштукатуренными стенами, увидел мебель, беспорядочно сдвинутую в середину, пеструю груду хлама на кровати у стены и краснолицего человека, деликатно пристроившегося на краю кровати, сдвинув тряпье к стене. Его ботинки, запачканные в известке, покоились на стуле, руки, по-трудовому опухшие, были белыми от краски.

- Здесь должна жить женщина с ребенком. Я получал от нее письма. Там был адрес, на конвертах номер этого дома.

Человек неуверенно приподнял голову и Иванеев увидел, что у него голубые глаза. Ошеломленность взгляда, которым он смотрел на Иванеева, выдавала его опьянение.

- Что ты?

Рискуя упасть, человек сел на постели и приложил палец к губам:

- Подожди, сейчас выйдем.

Он выбрался на крыльцо, непрерывно подтягивая брюки без ремня, не зная еще, как отнестись к гостю: непримиримо и враждебно, или безбрежно и гостеприимно. Он выслушал Иванеева еще раз и, следя за выражением его лица, невозможно было заподозрить его в отсутствии внимания. С головокружением в голове после минувшего ночлега Иванеев уже хотел уходить, ничего не добившись, когда человек, ни слова не произнося, поманил его внутрь дома. Иванеев понял, что в нем проснулся разум.

- Я тут не хозяин, я тут вроде тебя, посторонний. Вот видишь, стены побелил. Ну, с хозяйкой и отпраздновали. Спиридоновна! Проснись, родная.

Криво улыбаясь, он стал теребить громоздкую кучу тряпья, бывшую, если разобраться, одеялом. Потом замер над ним, глубоко задумавшись, и Иванеев решил, что о нем окончательно забыли. Подумав, человек стал устраиваться на своем пружинном краешке, и в этот момент груди зашевелилась. Одеяло колыхалось, как море в непогоду, потом неожиданно разверзлось там, где Иванеев ожидал бы увидеть ноги спящей. Голова, бурая и опухшая, выплыла из-под одеяла. Невозможно было понять, женщина это или старуха, и разговор стоил ей таких усилий, что Иванеев всей душой пожелал, чтобы он был возможно короче.

- В Андромер идите, нету здесь ее. Давно перебралась она туда, в Андромер.

- Далеко ли это?

- Пять километров.

Женщина махнула рукой к окну, прямо в стену, в сторону до-

роги и рухнула под одеяло.

х

х х

Кто выстелил этот проселочный шлях, одновременно магистрально широкий и непроезжий? Ширина его и прямизна позволили бы открыть здесь четырехстороннее движение, а бугры, ямы, ухабы, и лужи, неизбежно вызываемые проездом колесного транспорта по мягкой почве, навсегда закрыли даже для обыкновенного автомобиля.

Кому понадобилась эта ширина в проселке? Не было ли ее причиной бескрайнее воображение?

Но если подумать, то причиной было не воображение, а боязнь. Были две колеи, размыло их, разъездило, и осторожный шофер взял вправо, на бугристую, но твердую, неезжаную еще почву, через траву и кусты. Так легли рядом еще две колеи. А на обратном пути тот же берегущий машину шофер опять взял вправо, и вот уже не проселок, а авеню № 501, шоссе Вашингтон-Нью-Йорк, а ведет оно в Андромер.

Вот уже час Иванеев идет по шляху, уже солнце выглядывает не снизу вверх, как во дворе дома, а из-за высокой сероватой дымной тучки справа, а загадочного Андромера нет и нет.

Какие-то недорослые березки выбиваются из молодого леса, кривятся, подбочениваются, клонятся. Смуглые елки столбиками смотрят в небо, рассеивают вокруг себя молодую поросль. Бурьян замечательной силы и красоты располагается в ямах и углублениях, трясет тонкими своими колочками. Картина в чем-то незавершенная и не праздничная, а главное, заметно тронутая человеком. И как наваждение, не удаляясь и не приближаясь, стоит где-то возле, не далеко, но и не близко, не под самыми не-

бесами, но высоко поднимаясь над скромной линией горизонта, клубящийся зеленый парк.

Какие-то речушки бесшумно, тайком текут себе, струятся, непонятно, в какую сторону, в воде их стоят стебли водорослей, отцветшие лилии и пугливые стайки рыбьей мелочи.

Потеснилась природа, поужалась, стыдливо ушла в сторонку, только березы возле дороги не успела убрать и бросила на произвол судьбы.

Иногда Иванееву казалось, что дорога совершает незаметный, но неуклонный поворот влево, огибая густую кучность парка, но сохраняя почтительную дистанцию.

Птичья стая с сухим шумом крыльев спланировала на ближний куст, склонила его к земле, сделала серым.

Не повернуть ли назад?

Но вот навстречу, все ближе и ближе, с ухаба на ухаб, из лужи в лужу волочет, держа в зубах кислую железку, лошадка, бурой масти, телегу, в телеге сено, как водится, рогожа или брезент, сумка с батонами, мужчина-колхозник с цыгаркой под носом, с кнутовищем подмышкой.

- До Андромера далеко еще идти, не скажете ли?

- Да вот он, Андромер, - и мужчина кивнул цыгаркой на холмистую купу, - это он и есть.

- А где же дорога-то к нему?

- Садись, подвезу, а то долго рассказывать.

И с этой минуты началось у Иванеева головокружение. Свернула лошадка на мягкий сырой спуск, побежала вперед, легко придерживая за собой телегу, свернула в лесок, из леска выехала на луг, вдоль речки поехала по овалу, застряла в густой грязи на переезде, миновала картофельное поле, закружила Иванееву го-

лову, так что он почувствовал полный упадок сил, закрыл глаза, боясь свалиться с телеги, потом открыл и увидел водяную даль озера, капустное поле у самых ног, близкий парк и старинные заплатанные постройки красного кирпича.

- Есть у вас в озере рыба?

- Теперь уже и нету. А раньше много было. Теперь передохла вся.

- Кто ж ее потравил?

- Никто не травил, а осушение делали. Председатель наш, как земли осваивать стали, решил осушить то озеро и пшеницей его засеть. И верно, почва на дне богатая, да и места много.

- А у вас мало места?

- Да нет, пока что хватало.

- Ну а что же?

- Что-то не так сделали, кто ее знает. Там где с головой двоим было, теперь и одному по горло не станет. И то только на самой середине. А работы, правду сказать, хорошо вели, с бульдозерами, что из города выписывали. Канал вырыли, лет пять, наверное, осушали. Но что-то не осушили, не знаю. А правду сказать, на что оно озеро-то? Какая в нем польза? Одного комарья...

- А рыба?

- Рыба, верно, была раньше. Сам по двадцать лещей привозил. Это вы правы.

- Лучше бы ваш председатель капусту бы прополол как следует.

Действительно, зеленые качаны чуть виднелись из-под жизнеутверждающих дебрей лебеды и травы. Иванееву даже явилась на минуту мысль, что здесь выращивают именно лебеду и пырей для нужд химической промышленности, так лихо, по-свойски разметнул-

ся по полю лес сорняка.

- И то верно. Ну да ничего. Сняли его. Другого теперь назначили. Хорошего человека.

Мужчина помолчал и мстительно посмотрел на небо.

- Все технику выдумывают, будь она неладна, а от ней весь вред.

Вслед за этими словами телега свернула на боковую колею, Иванеев спрыгнул на глиняный холмик, сказал: "спасибо", и пошел в сырое темное нутро парка, которое было теперь открыто ему навстречу.

Х
Х Х

Ниже живой листвы старых деревьев уже успел вырасти новый парк, вернее не парк, а лес, бурелом, хаос, чащоба. Земля в углублениях дороги была особенно жирна и черна, от нее шел густой и таинственный запах. Сначала Иванеев увидел поляну, вернее, правильные квадраты запущенной травы и зелени, выстроенные заскорузлыми и широкими серо-черными стволами старых вязов. Между трепещущей и раскачивающейся листвой было видно небо, отдаленно предвещавшее начало дождя. Налетело невидимое дуновение ветра, поднялись в воздух сухие скорченные листья, запахло сырой пылью. Среди геометрически расставленных вязов стояли отсыревшие некрашенные избы с дровами у стен, с развалинами заборов, с курами, деловито исследовавшими кучи грязи. Но людей не было, и конечно, существование этих домишек было совершенно призрачно по сравнению с мятежным, порывистым и колеблемым существованием деревьев. Иванеев увидел довольно новый зеленый аккуратный дом, стоявший без забора, белье на веревке, резиновые сапоги на крыльце и испуганно пошел по мягкой доброй грязи в темную глубину узкой, уходящей в неведомые высоты аллеи.

Аллея была боковой, сразу за ней начиналась непроходимая и беспорядочная чаща молодого орешника, колючей проволоки, малины, старых гнилых стволов, бурелома, клочков неба с краями тучи. Иванеев зачем-то продрался через эту упругую преграду, перешагнул через проволоку, отвел ветви, целившие в висок и в глаз, и оказался на топком берегу озера. Вернее сказать, берега здесь не было, как не было, впрочем, и озера.

Утопавшие во мху кусты ивняка оканчивались зарослями осоки, терзаемой ветром, между рощицами камышей бледно светилась вода, потом начиналась потемневшая рябь озера, и так все дальше, дальше, пока не попадалась на глаза неровная кольцевая линия противоположного берега, казавшегося сплошной однообразной равниной.

В отдалении, на плоской лодке, хлопотливо взмахивал руками неслышимый рыбак. Иванеев подумал, что это, должно быть человек традиций.

Кое-как он вернулся на аллею и тотчас же постарался свернуть с нее, увидев смутный намек на тропинку между зарослями крапивы и дикого малинника. Но он сразу же наткнулся на мшистый обрыв ярко-зеленого заплесневелого пруда, в бурой жиже которого покоился черный остов упавшего дерева.

Но дальше, за прудом была еще одна неезженная, нехоженная, всем вцветом забытая, заколдованная крест накрест аллея.

Никогда Иванееву не случалось бывать в Андромере, детство его проходило почти все время в городе, между асфальтом и паркетом. Ничего не знал он, не мог знать о тех, кто когда-то считал эти деревья своими. Впервые в жизни попал он в этот настоящий, но совершенно заброшенный парк, одичавший у земли, и хранящий дорогие воспоминания у колеблюмых вершин.

Так почему же тогда он отчетливо, как никогда отчетливо, вспомнил эту аллею?

... Малиновое доброе солнце насквозь проглядывало через тонкие черные сети, раскинутые перекрещенными ветвями, как на должное смотрело на горку снега на поваленном дереве, засыпанные белым кустарники с зелеными сухими листьями, волнистую равнину только что занесенной земли. Снег так невесомо опустил свои перышки, что каждое было нетронуто и цело, и легкий ветер гнал белую пыль по гладкой поверхности.

Узколицый человек в долгополой шубе шел из глубины аллеи, по очереди ставя ноги в глубокие следы, оставленные здесь кем-то до него и сосредоточенно смотрел вниз, под ноги, Отглянулся через плечо. Один шаг, второй, третий ...

Налетел ветер, и деревья сделали еще одну попытку улететь, взмахнуть крыльями. Внезапно Иванеев почувствовал на себе пристальное, согревающее и нежное внимание парка. Он стоял рядом с широким деревом, ногой на круглом корне. Он посмотрел по сторонам и убедился, что здесь никого нет.

Он приблизил лицо к покрытой извилистыми углублениями и наростами морщинисто-твердой коре дерева и тихонько поцеловал ее. Потом еще раз оглянулся по сторонам, и удивленный своим поступком, ушел прочь, отправился разыскивать людей.

Опять он вышел к кучам сырых дров, к плетням, к самому окошку с растрескавшимся стеклом и красным бумажным узором.

Он обошел дом со стороны края, миновал конуру, скамейку с пустыми глиняными горшками, ступил на колоду крыльца.

Ему навстречу вышла старуха, несколько не удивилась его приходу, а просто пригласила его в дом, в низкие некрашенные двери.

В избе за клеенчатым потемневшим столом, сидел старик, положив руки на колени. Он тоже нисколько не удивился, поздоровался, посмотрел на нищенское убранство комнаты и с достоинством пригласил Иванеева сесть.

Иванеев попросил молока, если есть, и хлеба, потому что был голоден.

Старуха посмотрела на него с таким пониманием, словно уже месяц Иванеев стучался в это время в ее дверь, и достала накрытое марлей ведро.

Потом она вынула большой край хлеба, посмотрела на него, и протянула Иванееву. Он выпил молоко, съел хлеб и попросил еще, собираясь оставить на столе всю бывшую в кармане мелочь.

Старуха достала розовый батон, опять на него посмотрела, примерилась и отрезала кусок, чуть меньший, чем хотелось Иванееву, но все же довольно большой. Когда он захотел расплатиться, то встретил достойный и твердый отказ.

- За хлеб-то деньги? Да мы полдеревни молоком поим и денег не берем, да и не нужны они нам. Все равно магазин за пять километров.

Иванеев вспомнил взгляды старухи на хлеб, сумку с батонами на телеге, едущей в Андромер ...

- Давно ли вы тут живете?

--Четыре года всего. Всю жизнь за тринадцать верст отсюда прожили, а на старости сюда приехали. Есть и старье жители, конечно. Рассказывают, тут помещик конный завод держал и школу ветринарную. Видели кирпичные конюшни? От того времени остались. Я рассказывают, как пасха, или еще какой праздник, так обязательно выставлял всей округе пирогов и водки.

Старик сказал это серьезно, вдумчиво и посмотрел в окно.

Иванеев больше ни о чем не спросил их, а распрощался, оказался во дворе, пошел навстречу зеленому дому, о котором думал все время.

Из открытой двери дома вышла босая женщина, он не вполне узнал ее, в расстегнутом платье, гладковолосая, с локоном, откинутым за ухо, с голыми руками, молодая. Она зачем-то пошла прочь от дома, и тогда вслед за ней вышел мужчина в синем тренировочном костюме с белой полоской у шеи. Он тоже ни слова не говоря, не глядя по сторонам, пошел следом за женщиной, она чувствовала, что он идет сзади, и медленно, друг за другом, они скрылись среди деревьев.

Видели ли они Иванеева? Наверное да, потому, что не надо было оборачиваться, чтобы его увидеть. Узнала ли она его? Вздрогнула ли? Возможно. Почти наверняка можно утверждать, что да.

Он повернулся и пошел в обратную сторону. Он долго блуждал по парку, ища выхода, боясь наткнуться на людей, пожелавших остаться одни. Парк кружил ему голову, не желая выпустить из своих объятий, тесных и мертвенных.

Потом, в забытьи, он вышел на распутье, где слез с телеги и немного успокоившись, побрел обратно.

Временами ему казалось, что он думает совсем о постороннем, приятном для себя, что он отвлекся. Не глядя по сторонам, он миновал еще одну развилку и взял влево, хотя обе дороги были ему одинаково незнакомы. Десять минут он шел по наезженной дороге, потом началась трава, все более зеленая, с двумя все более узкими **колеями** и колеи становились уже, уже ...

Потом и эта дорога раздвоилась, из нее выбежали две вьющиеся тропинки и побежали в противоположные стороны. Одна ве-

ла в поле, уставленное тощенькими снопами и выходила к реке. Иванеев пошел по другой, уводившей в негустой лес между наклонными по сторонам дороги тесными ветвями.

Когда Иванеев миновал заросли, из-под его ног тяжело взмыла ворона. Как мучительно он ни старался вспомнить, проезжал ли он здесь, ему этого не удалось сделать.

Тропинка исчезла в жестких, коротко покошенных стеблях болотной травы, он подумал, не вернуться ли на распутье, но не решился этого сделать.

Увидев тропу, не то звериную, не то людскую, он стал углубляться в чащу. Колочая ветка тотчас попала ему в туфель, березовый лист оказался за шиворотом, но земля здесь, к счастью, была сухой. Он заспешил, увидев смутный просвет впереди, но вместо того, чтобы выйти на дорогу, выбрался на просторную, круглую, приветливую и замкнутую поляну.

Прямо перед ним, у самых ног, лежала лягушка. Она была раздавлена, непонятно кем, и лежала совершенно плоской, как ковер, Краснобурные кишочки, выдавленные у нее изо рта, образовывали венчик, или, если приглядеться, то корону потемневшего черного золота.

Тропы дальше не было. Поляна постепенно спускалась к травянистому берегу реки, и в одном из ее извивов дно не было заросшим. Иванеев, оглянувшись еще раз на лягушку, подошел к берегу и остановился. Медленно, медленно он стал раздеваться, снял через голову рубашку, расшнуровал туфли.

Искося глядя себе на грудь и живот, испытывал смущение от их открытости, белизны и жалкости, он поставил ногу на дно, которое оказалось твердым. Неуклюже раздвинув воду, он поплыл. Никто не коснулся рукой его ног, только один раз он задел мяг-

кую, глядящую водоросль.

Почти тотчас он повернул и с трудом выбрался на берег. Сдвинув колени, он сидел на колочей траве, смотрел на капли на своей ноге, на топкий берег напротив.

Вернуться назад, в Андромер? Но где тот мужик и та телега, которые туда везут?

ПОДЗЕМНОЕ ЦАРСТВО. КРУГИ

Рассказ

На последних минутах сна, когда еще можно считать себя спящим и в то же время уже выныриваешь на поверхность, неожиданно в груди открылась брешь, куда хлынуло быстротечное время — хлынуло и Ночлегов понял, что нечто неохватимое и огромное, вроде жизни, вдруг стало ограниченным и обозримым из конца в конец.

Еще можно было кувиркаться в облачном пространстве, по которому так хорошо парилось над дном соляного озера, еще продолжало увлекать ощущение, что только что был счастлив, но тем отчетливее ощущалось некое острие, упирающееся в грудь, между правым и левым соском.

Пришла пора пошевелиться и ощутить тяжесть слипшихся век. Стали видны габариты пустынной комнаты, в углу которой стояла кровать. И Ночлегов с уязвленностью осознал, что если опять на минуту забыться, то форма комнаты не изменится, останется постоянной, и главное — что эта комната требует немедленного ответа на свой вызов, требует неотлагательного действия и участия в каком-то деле, которое затевалось за окном в лучах сумрачного весеннего рассвета.

Попытавшись еще два-три раза ускользнуть и обмануть обнаглевшую реальность, Ночлегов понял, что самое дерзкое, что он может сейчас сделать — отвернуться к стене и уплыть прочь — даже это неосуществимо, что надо вставать и разгибать неразгибающуюся шею.

Уже чувствуя первые импульсы бодрости и необходимой энергии, Ночлегов совывал в ускользающую штанину неуклюжую ногу, нащупывал тапок на полу и застегивал ворот рубашки. В этот мо-

мент рассвет за окном уже не казался чужим.

В ванной, куда его привела утренняя традиция промывать глаза и встряхивать мокрыми волосами, Ночлегов краем глаза увидел на дне ванны маленькое черное пятнышко, которое заметалось, забегало, а потом вновь окаменело, ожидая скорой расправы. Это был мышонок, упавший в ванну и так и не сумевший вскарабкаться по ее скользкому краю. Мышонок прятал свой нос между лапок, сжимался в комок и только хвост не мог под себя поджать и оставлял его лежать, свободно вытянувшись в длину.

В выпуклых глазках мышонка выражалась напряженная пристальность, с которой он смотрел прямо перед собой, и когда Ночлегов пригляделся, то этот взгляд показался ему на удивление безобидным.

Стремясь превратиться в исчезающе малую величину, неуклонно стремящуюся к нулю, вроде ускользающе малой дроби, мышонок с ознобом ощущал всей своей спиной тяжесть человеческого взгляда.

Ночлегов неожиданно проникся симпатией к маленькому неудачнику, и подумав, как помочь ему, положил деревянную палку одним концом на дно ванны, другим — на ее край.

Пометавшись с минуту, мышонок немного освоился и даже осмелел. Уже с любопытством он взирал на Ночлегова и можно было даже предположить, что в их встречных взглядах промелькнула взаимная симпатия.

Прежде чем воспользоваться предложенным ему путем спасения, мышонок побродил по дну ванны, что-то вынюхивая, а потом опрометью бросился бежать по палке, короткими перебежками, замирая на мгновение, чтобы отдышаться.

На краю ванны он остановился, уже приятельски взглянул на Ночлегова, зачем-то побежал в угол, по трубе вверх и мигом притаился в отверстии, оставленном выпавшей плиткой кафеля. И тщетно

Ночлегов пытался его извлечь из этой дыры — мышонка было не слышно и не видно.

Между тем утро явно не задавалось. Кое-как умывшись, Ночлегов присел на скамейку, положил локоть на батарею и тихо опустил на него голову. На мгновение он вновь обрел тот драгоценный душевный покой, который исчез, едва он встал с постели, ментально его понесло куда-то в сторону, навстречу свободному полету, но он вовремя поднял голову и встряхнулся. Кое-как проглотив несколько бутербродов, покрытых вчерашней колбасой, Ночлегов отправился проведать своего знакомого. Мышонок опять сидел в ванной и важно насупившись, взирал на Ночлегова.

Через минуту все повторилось сначала — мышонок выбрался из ванны по палке и на этот раз исчез за батареей, где находилась, вероятно, его дыра. Мысленно Ночлегов с ним попрощался.

Однажды с Ночлеговым приключилась история, о которой он не мог теперь вспоминать без смущения. Ежедневно, выбрав подходящее время для побега, он искусно маскируясь, покидал место, где ему надлежало находиться с сумрачного рассвета до раннего вечера, и отправлялся поесть. Это случалось задолго до обеденного перерыва и, хотя начальство не склонно было считать уважительной причиной ухода голод, который он испытывал, не позавтракав дома, тем не менее ему удавалось уходить почти официально и застенчивой улыбкой отвечать на упреки, произносившиеся, впрочем, с некоторой неуверенностью в голосе.

Тогда он вышел на улицу, вдохнул кислородно-ветренный воздух, поглядел по сторонам, где все жило по законам свободной уличной жизни, и утвердившись в ней как полноправный прохожий, отправился в молочный буфет.

Хотя в буфете обычно пахло посудомойкой, и капельки стекали по замутненным окнам, был затоптан грязью каменный пол, здесь всегда стояли люди, поскольку другого подходящего места для обеда в ближайших кварталах не существовало.

Получив в руки кашу и стакан мутноватого чая, Ночлегов пристроился у круглой стойки, рядом с грязной посудой, которую, впрочем, скоро убрали. Единственный стол для сидения стоял в сторонке и был занят матерью с ребенком, пускавшим пузыри, и старухой, которая сняла платок с головы, как видно собираясь отдышаться и отдохнуть.

И то ли Ночлегов бросил неосознанно пристальный взгляд на нее, то ли ей самой что-то ударило в голову, но старуха вдруг вскочила и, подбежав к Ночлегову, предложила ему сесть на ее место. И даже свою тарелку с недоеденной сарделькой она уже держала наготове.

Ночлегов отказался, сначала автоматически, потом со смущением, а старуха, теперь уже сопровождаемая взглядами всей буфетной общественности, водворилась с тарелкой на место.

Хотя Ночлегов понимал, что своей неожиданной выходкой старуха не бросала еще тени на его достоинство, скорее теперь сама сидела сконфуженная, чувство неловкости и желание ее выручить заставляли его краснеть и крутить головой.

Незаметно для самого себя Ночлегов стал опускать одно плечо и выпрямлять правую ногу, пока она не отставалась в сторону, в то время как его лицо постепенно приняло страдальческое выражение. Когда тарелка из-под каши была отставлена в сторону, он, заметно волоча ногу, захромал к выходу. Нога не сгибалась и даже, как отчетливо слышалось Ночлегову, позвякивая металлическими застежками.

Потоптавшись между дверей, он еще метров двадцать проковылял, а потом, воровато оглянувшись, выпрямился и торопливым шагом почти бегом поспешил восвояси, не в силах убрать с лица сконфуженную усмешку.

И, как ему показалось, не было свидетелей этого его героического эпизода.

Неожиданно нас настигает чувство полноты жизни — на мгновение отрешиться от привычности мира, постигнуть его сокровенную суть, понять внезапно всю священность того, что совершается вокруг нас.

Достаточно выглянуть через открытую форточку, увидеть дерево напротив, различить неожиданно все множество его ветвей, почувствовать сырую черствость его коры, породниться со снежным настом, все более и более оседающим набок, услышать заново напряженно глухое гроыхание города и вдруг словно впервые понять, что это ты сам живешь среди этих деревьев, что эта радость не принадлежит никому, кроме тебя, а что твое стиснутое дыхание роднит тебя с этим отрешенным и задумчивым небом.

Тогда неожиданное вдохновение наполняет жизнь, и она вдруг оказывается точной до малейшего жеста, напряженной и полной, и этих трех-четырёх минут живого родства с миром хватит на целую неделю бесплодия и тоски.

Ночлегов пережил минуту щемящей ясности и открытости, пока шел по мокрой дорожке к остановке автобуса и эти минуты сумели далеко отодвинуть от него нужды сегодняшнего дня, отчетливое знание того, что должно сегодня случиться — ничего не должно случиться, и удручающая простота жизни вдруг обернулась тысячью сложностей и новостей.

Сидя в кресле желтого от дверей до потолка автобуса, он вновь вернулся к своим проблемам, которые каждое утро кажутся неразрешимыми и в то же время не препятствуют продолжению жизни, думая о том, что маленькая радость автобусного спокойного путешествия, повторяющегося по нескольку раз на день, требует компенсации, которая приходит в грустных мыслях о безденежье, о вытертых обшлагах пальто и отвисающих карманах.

Автобус резко повернул, улица шарахнулась в сторону, и Ночлегов схватился за поручень, рискуя свалиться со своего обжитого уже кресла.

Но и в автобусе он успел краем глаза увидеть сон. Стоило ему лишь на несколько мгновений прикрыть глаза, как легкое головокружение вернуло его в мир шумных мыслей, голосов и разговора. Он все время соотносил себя с мраморным львом, безмолвно поднимавшим свою мраморную лапу, и Ночлегову было известно про этого мраморного льва нечто такое, что приводило его в тихое ликование, а где-то за спиной синело море, которое нужно было понимать почему-то в переносном смысле, как иносказание, но вскоре все исчезло и Ночлегов инстинктивно, рывком поднял голову, стремительно клонившуюся к оконному стеклу.

Нужно было опять подниматься, делать усилия, выпрыгивать из дверей автобуса на черный асфальт и через запачканную каплями мазута мостовую переходить на другую сторону улицы. Навстречу спешили обыкновенные, ничуть не удивительные люди, заглядывать в глаза которым Ночлегов привык каждое утро.

Ничего привлекательного не происходило на улице, а расставаться с ней не хотелось тем сильнее, чем ближе Ночлегов подходил к месту своей службы. В виде гипотезы ему даже явилась

идея совершить несколько кругов вокруг этого здания, и он бы ее наверное осуществил, но время торопило и подстегивало. Служил Ночлегов в маленькой кирпичной часовне с мозаичским Спасителем на фасаде, но был не священнослужителем, а инженером по рационализации. Всякий знает, что такое рационализация, знал это и Ночлегов, когда устраивался на работу, остальное же надеялся приобрести в рабочем процессе.

Его учреждение, обозначавшееся, как водится, и "Главом" и даже "Облом", имело в своем ведомстве не то "монтаж", не то "трубу", не то "холод", не то "автомобиль". Для Ночлегова это, разумеется, было важно, для нас же - ни в малой степени, так как мы категорически не стремимся к документальности и даже всей душой ее ненавидим. Учреждение было недавнее, еще даже не использовавшее всего своего штатного расписания, не приобретшее даже еще производственной базы и этим объяснялись многие временные и досадные странности в его работе. По образованию Ночлегов был филологом, специалистом по датскому фольклору, и нынешняя его специальность возникла исподволь, чтобы не сказать случайно в процессе бурных и беспорядочных поисков работы, которые он вел с полгода назад. Но чем-то он, как видно расположил к себе начальника отдела кадров, да и вакансия свободная появилась несколько раньше, чем возникла в ней производственная необходимость - вот и решилась судьба Ночлегова - он связал ее с рационализацией, и теперь как человек, свободно владеющий языками и как бы ловящий на лету административную мысль, облакал ее в форму актов и отчетов, а также квартальных планов отдела. Нужно кроме того учитывать, что имевшиеся у него в запасе полтора-два года он должен был потратить на знакомство с условиями подведомственного производства.

Но вот, хочешь не хочешь, но нужно признать, что это со скрипом закрылась за тобой парадная дверь, и ты уже в учреждении. Ночлегов пробирался по коридору, не уставая однообразно желать доброго утра своим многочисленным сослуживцам. Одной из странностей Ночлегова была чрезмерная стыдливость, которую он всегда испытывал, снимая с себя даже самую верхнюю часть одежды. Он сразу становился неподвижным, глубоко задумчивым, а глаза его в эти минуты замирали в одной какой-нибудь точке. Раздевшись, он еще несколько минут оставался неподвижным, сжимаясь с новой обстановкой и тщательно приглаживая слежавшийся пробор на виске.

Усевшись, он решил, что достойным началом трудового дня будет приведение в порядок рабочего места. То, что лежало слева, следовало разобрать, рассортировать и переложить на середину, а то, что покоилось с правой стороны, само так и просилось лечь на освободившееся место слева.

Поставив локти на край стола, Ночлегов утомленно поднял глаза к окну, поглядел на стоящий напротив фургон с прицепом, с колес до крыши залитый подсыхающей грязью, схватил пальцами виски, потер закрытые веки. Глазные яблоки слегка болели, а веки оказались вялыми и долго не хотели разглаживаться, скомканные костяшками пальцев. Из-за спины выплывали синие и красные кольца, мерцали перед глазами, что-то вспоминалось близкое и спокойное, и голова сама просилась пристроиться на гладкой поверхности стола. И хотя это не решало проблемы, но три-четыре минуты выгадать таким образом было возможно.

... Да. Да. Пожалуй, он в этом и не сомневался. Конечно, только бы не споткнуться и не упасть лицом прямо на колочие сухие комья грязи. Да и ветви орешника почему-то хлещут его по

лицу так немилосердно, словно ты их враг и немало уже навредил им в жизни. Да, и они это подтверждают, утвердительно махая ветвями, они хотят напомнить тот день, когда ты спешил по Невскому и у самых коней, напротив аптеки не поздоровался с давней знакомой, а ведь она им доводится двоюродной бабушкой, к тому же разодетой в меха и бархат ...

Затекла шея, и из-за спины явно слышался чей-то голос, обращенный не к кому иному, как к нему.

- Поддавал вчера, не иначе? - вопрос был задан с самым полным пониманием и даже заискивающе.

- Было дело, самому теперь страшно вспомнить, - находчиво ответил Ночлегов.

- В кабинет главбуха пойдя. Он до обеда в Главке. Там и покемарьшь. Намаялся, родимец. Уж я вижу по лицу.

Через коридор направо вторая дверь, а за ней сидит главбух женщина дородная, но отличающаяся на редкость капризным и требовательным характером. Но сейчас за дверью было пусто. Ночлегов нашел в темноте спинку стула, посидел минуту ссутулившись, потом стал искать выключатель. И вот два стула поставлены один возле другого. Ночлегов бережно опустился сначала на один, потом на другой, голова повисла в воздухе, он подхватил ее рукой, согнутой в локте, и вот опять желаемая тишина и покой парили над распростертым Ночлеговым, опять куда-то уносило его в ускользающем ритме биения крови в виске и в затылке, а вот и первое изображение проступило с недвусмысленной ясностью - перед ним стоял баобаб, весь увешанный печеными яблоками.

Но дверь раз, а потом другой, открылась, свет падал Ночлегову на живот, обнаруживая всю странность и неуместность его положения в ответственном кабинете, он вскочил, разглядел во-

лосы на затылке, подтянул штаны и пошел на свое рабочее место.

Ночлегов в домашнем облачении пришел на кухню и минут десять провозился у плиты. Бабка Глафира, вытянув губы в струнку, поглаживая ладонью по клеенчатому углу стола, рассказывала ему:

- На Демьяна Бедного была. Маргарину за сорок пять взяла. Даю чек. А она мне маргарин за тридцать шесть подсовывает. Да вы что, говорю, что вы мне даете, милая вы моя. Вы бы прежде очки бы сняли да посмотрели бы своими глазами, говорю ...

- Ну, - снисходительно поддержал разговор Ночлегов.

- Да ну что ... Взяла маргарин, за сорок пять, свой, да и пошла.

- А она-то что?

- Продавщица, что ли?

- Ну да.

- Она говорит: извините.

- Так. А вы?

- Да что "вы"? И я говорю: теперь другое дело.

- Ну а она-то, она-то на это что?

- Да ничего она.

Глафира в растерянности поглядела по сторонам, но уже чувствовала иронический игривый подтекст разговора и сама склонна была побалагурить.

- Так, - продолжал Ночлегов. - Она, значит, ничего. А вы?

- А я и говорю: чтоб впредь неповадно было.

- А она чего?

- И она тоже. - Глафира хлопнула ладошкой по столу: -

Мышу сегодня кипятком заварила.

- Какую мышу, бабушка?

- В ванну, как ты ушел мыша свалилась. Сидит и глазами зыркает. Я сперва ее палкой прибить хотела, да ведь слепая я уже, милый, старая, бью, бью, и все попусту. Пошла на кухню, чайник скипятила, да и заварила ее.

- Ошпарила кипятком?

- И ошпарила.

Ночлегов криво морщился и подергивал левой щекой.

- Да вы что, бабушка. Она от вас же убежать не могла ведь.

- Куда ей. Как я ошпарила ее первый раз, так она села, нахохлилась и сидит. Потом уж, как подохла, животом вверх перевернулась, конечно.

Ночлегов больно прикусил щеку:

- Открыла бы воду в ванне и всего делов. Эх вы, бабушка.

- А не догадалась, милый. Мышеловок на них не наставишь-ся ...

Ночлегов улегся вскоре после полуночи, проветрив комнату от дыма, аккуратно сложив одежду на кресло, посидев, согнувшись, как в большой усталости, поглядев задумчиво между широких ступеней на пол напротив.

Окно было зашторено, и когда погасла лампа в изголовьи, только тонкая полоса дрожащего уличного света проникала в комнату.

Подушка, как это часто бывало, оказалась на удивление жесткой и плоской, одеяло было холодным, ногам в складках постели было тесно и коротко.

Но постепенно, перейдя неуловимую точку равновесия, Ночле-

Мышу сегодня кипятком заварила.

- Какую мышу, бабушка?

- В ванну, как ты ушел мыша свалилась. Сидит и глазами зыркает. Я сперва ее палкой прибить хотела, да ведь слепая я уже, милый, старая, бью, бью, и все попусту. Пошла на кухню, чайник скипятила, да и заварила ее.

- Ошпарила кипятком?

- И ошпарила.

Ночлегов криво морщился и подергивал левой щекой.

- Да вы что, бабушка. Она от вас же убежать не могла ведь.

- Куда ей. Как я ошпарила ее первый раз, так она села, нахохлилась и сидит. Потом уж, как подохла, животом вверх перевернулась, конечно.

Ночлегов больно прикусил щеку:

- Открыла бы воду в ванне и всего делов. Эх вы, бабушка.

- А не догадалась, милый. Мышеловок на них не наставишь-ся ...

Ночлегов улегся вскоре после полуночи, проветрив комнату от дыма, аккуратно сложив одежду на кресло, посидев, согнувшись, как в большой усталости, поглядев задумчиво между широких ступеней на пол напротив.

Окно было зашторено, и когда погасла лампа в изголовьи, только тонкая полоса дрожащего уличного света проникала в комнату.

Подушка, как это часто бывало, оказалась на удивление жесткой и плоской, одеяло было холодным, ногам в складках постели было тесно и коротко.

Но постепенно, перейдя неуловимую точку равновесия, Ночле-

легов забылся, вернее, перестал контролировать свои мысли, и они тотчас же поплыли образами и привели к окончательным нелепостям те неясные ощущения и допущения, которые склонен делать про себя бодрствующий человек. Весь вечер он вспоминал мышонка, думал, что несомненно, это был незаурядный, высокоталантливый мышонок, который хотел, должно быть, подружиться с ним, перенять некоторые его привычки, может быть, даже научиться чему-нибудь, играть на дудочке, например, или танцевать какой-нибудь танец. "Да просто подружиться, черт подери", - восклицал про себя в возбуждении Ночлегов и представлял себе, как он каждое утро приходит в ванную поздороваться со своим другом ...

... Но вот он вновь воочию увидел своего прежнего знакомого - тот пробирался какими-то своими подпольными ходами и мышинными тропами. Ночлегов без удивления заметил на головке мышонка, повыше ушек, небольшую и очень стройную золотую корону. "Ну конечно, - проговорил про себя Ночлегов, - конечно, это было заметно с самого начала, это был необыкновенный, незаурядный мышонок, умный, как человек". И Ночлегов с нежностью улыбнулся. За мышонком, гуськом движутся другие мыши, и Ночлегов различает на спине одной из них тяжелый золотой перстень. "Это тебе в подарок", - тихо произносит себе Ночлегов. И вот перед ним уже целые закрома - кучи золота и всяких драгоценностей, собранные и накопленные мышами. Чей-то голос поясняет Ночлегову, что после гибели его знакомого от бабки Глафиры все это принадлежит ему. Все подземное царство. И только тут он начинает понимать, владельцем каких богатств он становится. Он видит громадные винные погреба, в которых от нетерпения позванивают бутылки, подземные комнаты, увешанные коврами, какие-то загадочные коридоры и лестницы, которые пронизывают весь город.

И все это принадлежит Ночлегову, в этом нет сомнений, мышонок позаботится, чтобы ничего не пропало, надо только опуститься в подвал и поискать там в темном углу ...

Ночлегов с тяжелым свистом выпустил изо рта воздух и еще глубже погрузился в недра подушки. Он желал заснуть опять, но это ему не удавалось.

В обычные полуденные часы улица живет довольно скудной и ординарной жизнью. Вьется столбик пыли у стены возле урны, спешит наискосок в аптеку занемогшая старушка, кавказец с Кузнечного рынка выпуклыми глазами отыскивает впечатлительное женское сердце. Бегут женщины, нагруженные увязанными в пакеты ватными одеялами, торгует залежавшимся романом юноша в дверях лавки писателей, единой массой, монолитно движутся туристы из провинции. Днем улица довольно пустынна.

Но наступает исподволь неожиданный час, когда солнце, опускаясь над городом, зажигает золотым светом сизую дымку весеннего воздуха, что-то меняется в глазном хрусталике, и вот уже какой-то силой нас поманило вперед, навстречу неизведанному, все дальше и дальше. Вас закружило в водовороте каких-то невероятных ожиданий, и вы уже торопитесь, не замечая своего скорого шага, лица, одно значительнее другого плывут вам навстречу, и каждая черта этих лиц полна значения и смысла.

Ночлегов оказался вовлеченным в этот поток, он спешил по Невскому, и в глазах встречавшихся ему людей читал нужные ему уверенность и силу. Уже два квартала замкнулись за его спиной, все стремительнее он отбивал свой шаг, все живее вспыхивал его взгляд. Плавно и торжественно тянулись навстречу друг другу два человеческих потока, и в глазах встречавшихся женщин Ночлегов

видел неожиданный, глубокий, неизвестный ему еще минуту назад смысл. Теперь можно было сказать, что он уже просто гнул спину в этом стремительном потоке, а лица, проплыв у него перед глазами, не исчезали, а совершив неправильную дугу, опять появлялись где-то вдалеке. И Ночлегову показалось, что его ноги уже не идут, а отбивают какую-то стремительную чечетку в пространстве, толпа, же, замыкаясь за его спиной, кружит вокруг него свой однообразный и дружный хоровод. Кругами, кругами пошла улица в глазах у Ночлегова. С головокружением он отступил к чугунным перилам моста, остановился и взялся за поручень.

Остановка автобуса была открыта широкому невскому ветру и бескрайнему ее низкому пространству, а гранитные перила набережной были покрыты уличной пылью.

Невысокая и бледная девушка с портфелем у колен прислонилась к парапету, студент из провинции задумчиво глядел в водяную даль, еще какие-то люди мирно поглядывали, не возникнет ли за поворотом набережной желанный автобус.

Им навстречу, мимо Ночлегова проковылял неустойчивыми шагами низкорослый и совершенно пьяный юноша, державший на коротком поводке громадную желтую овчарку. Замечая лишь незначительную часть окружающего, юноша тем не менее тотчас же уставился на девушку, пораженный, остановился и стал подобострастно ее разглядывать. Потом он отстегнул ремешок у шеи овчарки и, коротко приказав ей сесть у ног девушки, сильно качнулся в ее сторону.

— Нравится собачка? Ав, ав, ав. Да. Как возьмет за горло, так и будьте нате, правда? Да. Рекс, голос. То-то же. Ну а вас — то как зовут, милочка? Что? Желая знать ваше имя, уважаемая.

А что, не нравлюсь? Ну, ничего, стерпится-слюбится, как говорится. Верно, Рекс? Голос, голос, собачка моя ... А можно, девушка, я вам, к примеру, ручку поцелую? А? Только не бейте меня, Рекс этого не любит. Правда, Рекс?

Вытянувшись в струнку, девушка что-то тихо и нетвердо отвечала своему неожиданному поклоннику. Собака, обводя людей умными карими глазами, беспокойно поднимала зад, взмахивала хвостом, нетерпеливо и жалобно визжа.

Ночлегов был возбужден и знал, что если девушка будет обижена, то он, несомненно, подерется. Сиплым голосом он велел пьянице оставить девушку и идти домой отсыпаться. В голосе юноши ощущалась близость скандала.

- Рекс, ко мне. Голос, друг мой, голос. Пойди вон к тому дяде, перекуси ему горло, он обижает твоего господина. Голос...

Собака, вильнув задом, подошла к Ночлегову и тяжело села. Язык выпал у нее из пасти и она с непонятной собачьей улыбкой смотрела на Ночлегова.

- Что ты говорил? А? Что я тебе не нравлюсь? Скажи, чтобы собачка слышала ...

Собака гулко гавкнула. И вновь уже повышались интонации, и голос у Ночлегова, напряженно дрожал и подмывало уже ударить собаку ногой, но неожиданно подкативший автобус плавно отворил двери, в них скользнула девушка, и Ночлегов, обогнув собаку, хотел последовать за ней. Вдруг он почувствовал прикосновение гибкой собачьей спины у колена. Он уже находился в автобусе, собака стояла рядом с ним, а с набережной доносилось беспорядочное кудахтанье ее хозяина, сулившего ей беспощадную и жестокую расправу сорванным голосом. Собака оставалась в автобусе.

Понял ли Ночлегов всю глубину и рискованность собачьего

решения? Стало ли ему ясно, что даже самая мудрая собака не могла бы найти выход мужественнее и радикальнее? Что поскольку она являлась собакой, то есть нуждалась в хозяине, то и все ее существование было определено жестокой собачьей необходимостью?

Минуло то мгновение, которое было необходимо Ночлегову, чтобы принять решение. Он попросил водителя подождать, взял овчарку за ошейник и выволок ее на гранит набережной.

Что же, всякий взрослый человек совершает подобные предательства, иногда даже по нескольку раз в день. Не хуже них был и Ночлегов. Ему не нужна была собака.

Хуже, если имеешь дело не с собакой, а с женщиной. Тогда пауза ожидания длится не несколько мгновений, а продолжается по месяцам, и случается, затягивается и на несколько лет.

Оставалось только повернуть за угол. Только миновать темную площадь, не поскользнуться в переулке, пересечь обнаженный садик и ты уже дома. Нужно было только повернуть налево и пройти мимо освещенных окон спортзала, пересечь неглубокую льдистую лужу, посторониться, дать дорогу коляске с младенцем. А там уже идти все время прямо, и вот ты уже дома. Только повернуть за угол и через пять минут ты уже под крышей ...

О чем запели в пустом ночном воздухе пронзительные тормоза? В их голосе было столько брюзгливого раздражения, недовольства, потом пение стало тоньше, тоньше, в нем возникла виноватая нота, какая-то тоска, жалобный собачий визг ... И завершилось это тупым ударом.

Ночлегов почувствовал мягкий горячий толчок, нога заскочила за ногу, его куда-то кинуло, вверх, в полет, но главное для него было - не выронить папку, которую он держал в руке. Бес-

конечное мгновение Ночлегов находился во взвешенном состоянии, от него отделился и уплыл куда-то ботинок, потом он стал сближаться с землей, которая надвинулась на него с неудержимой силой, и даже вошла в него мягко, как нож входит в сыр или в масло, и он горячо соприкоснулся с ней лицом, плечом, ключицей, Его влекло дальше как по льду, он скользил по асфальту лицом, грузью, раскинутыми руками. Никогда еще Ночлегов не видел землю так близко, никогда не было так светло внутри головы, никогда он еще не был так скован по рукам и ногам, никогда не чувствовал так свое ничтожество. Всем своим бессильным телом он принадлежал асфальту, и не было сил противодействовать деспотизму его могучего притяжения.

Бесшумно сбегались люди и образовали вокруг него плотное кольцо.

- Расступитесь, я зажгу фары. Хоть кто там ...

Люди разошлись полукругом и прямо перед Ночлеговым возникли два ослепительных театральных юпитера. Упираясь дрожащими руками в землю, он приподнимался над асфальтом, как умирающий галл, сжимая в правой руке папку.

Две ослепительные страшные молнии вошли в его мозг, и руки бессильно подогнулись. Он закрыл глаза, и в его сознании, еще не залитом кровью, возникли знакомые кольца, круги, круги ...

Впрочем и подземное царство было неподалеку.